Split by PDF Splitter

[9] *Писачкин В. В.* Интеллектуальная собственность в системе социальных отношений и ценностных ориентаций: Автореф. дис. … канд. социол. наук. Саранск, 2003.

[10] См.: *Латыпов И. А.* Интеллектуальная собственность в информационном обществе // Гуманитарное образование в информационном обществе: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 17–18 дек. 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 294–296.

[11] См.: *Латыпов И. А.* Информационный капитал в образовательных технологиях: категориальный анализ. // PR в образовании. 2003. № 6. С. 103–108.

[12] *Бузгалин А. В.* Частная собственность устарела // Отеч. зап. 2004. № 6. С. 36–43.

[13] *Розенберг В. А.* Научная собственность // Русская философия собственности XVIII–XX вв. С. 401–424.

[14] *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 214.

О. Ю. Балеевских

СЕМЬЯ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ТОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Актуальность исследования семьи определяется тем, что именно в семье в условиях изменяющейся постсоветской России отражаются масштабные социальные трансформации. Изучением проблемы взаимозависимости изменений общества, семьи и индивида занимается социальная философия. Актуальной для решения данного вопроса версией социально-философской методологии является социальная топология.

Чтобы выявить продуктивность социально-топологической теории при исследовании семьи, необходимо сравнить ее методы с современными подходами к анализу родственных отношений (производственный и эволюционный подходы, экономическая критика патриархата[1]), которые предлагают российские исследователи.

Производственная теория (А. Антонов) рассматривает семью как ячейку в общей социальной системе, как механизм воспроизводства общества, как социальный институт, т. е. семья «состоит на службе» у общества и напрямую зависит от него.

Эволюционный подход (С. Голод) больше внимания уделяет отношениям внутри семьи, чем связи между обществом и семьей. Здесь семья определяется как самостоятельная система в ряду других систем и рассматривается эволюция ее форм: от патриархальной через детоцентристскую к супружеской.

Экономическая критика патриархата (отечественные теоретики феминизма: Н. Римашевская, М. Малышева, О. Здравомыслова) сосредоточивается на осмыслении патриархальной культуры, которая характеризуется разделением социального пространства на частную и публичную сферы. Частная сфера анализируется как область конкуренции ресурсов, накоп-

© Балеевских О. Ю., 2007

Split by PDF Splitter

ленных в публичной сфере, что дает возможность определять семью как результат патриархальной культуры, где причиной динамических изменений позиций супругов являются постоянно трансформирующиеся условия доступа к источникам власти и влияния.

В отличие от предыдущих подходов социальная топология – а в центре нашего внимания будет теория П. Бурдье – не противопоставляет семью и общество, индивидуальное и социальное. Французский исследователь снимает данное противопоставление, вводя понятие «габитус». Под габитусом он понимает сочетание субъективных интерпретаций объективных социальных отношений, в которые агент был интегрирован в процессе своей социализации.

С одной стороны, габитус обеспечивает воспроизводство семьи как социального института: ее структура вписывается во внутреннюю структуру индивида (формирование первичного габитуса в процессе интериоризации социальных отношений осуществляется именно в семье) и впоследствии воспроизводится в его будущих практиках. Можно сделать вывод, что социальная топология акцентирует свое внимание на том, как общество «действует» в человеке. Она сосредоточивается на тех механизмах социальной детерминации, которые в сознании индивида превращают семью из социального института в условие «связности его биографии»[2], ищет ответ на вопросы, почему структура и/или логика семейных отношений используется для организации и осмысления индивидуальной жизни, почему индивиды определяют семью как ценность, а не как предложенный «сверху» способ совместного проживания.

С другой стороны, габитус – это включенная в тело возможность социальной игры. Понятие игры позволяет показать, что действия человека социально детерминированы: игра осуществляется по правилам. Игра – место закономерностей. Но вместе с тем игра подразумевает бесконечное множество ходов в рамках заданных правил. Как подчеркивает П. Бурдье, «габитус, в качестве социального, вписанного в тело биологического индивида, позволяет производить бесконечность актов игры, которые вписаны в игру как возможность и объективная необходимость»[3]. Таким образом, возникает возможность объяснять изменения человека, семьи и общества. То есть социально-топологическая теория изучает не только то, как человек впитывает социальное, но и то, как он создает новые социальные отношения и практики. Например, в процессе брачной церемонии разворачиваются такие сценарии будущего, которые подразумевают социально разделяемые ожидания. «Правильный» сценарий семейной жизни подобен грамматическому правилу. Но в соответствии с правилом каждая пара осуществляет собственную стратегию семейной жизни.

Более того, активность мужа и жены как социальных агентов заключается еще и в том, что на основе приобретенного опыта, знаний и навыков они могут осознать, какими именно чертами габитусов обусловлены страте-

Split by PDF Splitter

гии их семейной жизни, и трансформировать их, ориентируясь на более или менее сознательно выбранные идеалы.

Итак, введенное П. Бурдье понятие «габитус» позволяет реализовать новый тип социального объяснения. С точки зрения социальной топологии, семейные отношения, необходимость которых формируется обществом, конституируют субъективность индивида, но в его силах осознавать и изменять практики своей семейной жизни.

Далее, чтобы ответить на вопрос о том, какие механизмы позволяют обществу инкорпорировать ценность семьи в сознание человека, а индивиду – использовать структуру и логику родства для организации и осмысления своей собственной жизни, необходимо обратиться к определению семьи как социального поля, которым и оперирует социальная топология.

Конструктивная сложность семьи заключается в том, что это то социальное поле, где человек физически, телесно близко подходит к самому важному персонажу своей жизни – к Другому. «Специально для брака свойство Другого быть именно Другим резко подчеркивают два запрета: библейский запрет на однополую любовь и запрет на кровосмешение»[4]. Мужчина должен научиться принимать во внимание женский взгляд на вещи, и перед женщиной столь же трудная задача стоит по отношению к мужчине. Более того, мужчина и женщина, создающие новую семью, приходят из двух разных семей, с неизбежным различием в навыках и привычках, в том, что само собой разумеется, и должны заново привыкать к иному значению элементарных жестов, слов, интонаций. Жених и невеста, становясь мужем и женой, меняют свою социальную позицию, что отражает язык: девушка «выходит замуж», т. е., уходя из пространства родительской семьи, она входит в пространство семьи мужа, становится «за» мужем, что определяет ее позицию в новой семье. Жених, в свою очередь, из беззаботного «холостяка» становится ответственным «семьянином». Теперь и он, и она ответственны не только за себя, но и за Другого. У «молодых» должно сформироваться новое «чувство позиции», они должны приложить определенные усилия, чтобы активизировать необходимые для семейной жизни составляющие культурного капитала, а именно умение терпеть и прощать, которое можно назвать проявлением деятельной любви.

Что касается отношений между родителями и детьми, то здесь, напротив, единство плоти и крови – в начале пути. Но путь – снова и снова перерезание пуповины. Ребенку предстоит стать самостоятельной личностью. Это – испытание и для родителей, и для детей: заново принять как Другого того, с кем когда-то составлял одно неразличимое целое в теплом мраке родового бытия.

Присутствие Другого в семье принципиально важно для социальной топологии, поскольку позиция социального агента характеризуется через его отношение к позициям других социальных агентов. Кроме того, позиции агентов в социальном пространстве определяются объемом и структу-

Split by PDF Splitter

рой их капиталов. Принадлежность к семье – «имя», наличие семьи являются символическим капиталом. Умение коммуницировать определенным образом, а именно быть ответственным, терпеливым, уважать Другого, можно определить как составляющие культурного капитала, который, как было отмечено выше, формируется в семье и, подчеркнем, способствует сохранению семью. Распределение капиталов между агентами проявляется как распределение власти и влияния в данном пространстве. Следовательно, чем больше объем культурного капитала, тем больше власти у его владельца, но власти не над другими, а над собой в отношениях с ними.

«Другими» в семье будут муж/жена, дочери/сыновья, отцы/матери, бабушки, племянницы и т. д., которые в социально-топологической теории обозначаются как субъектные позиции. Субъектные позиции конституируют поле семьи. В отличие от заданной роли, субъектная позиция не имеет собственного сюжетного наполнения, ее социальное значение определяется через отношение с позициями других.

Семья как поле принципиально разных, несовпадающих позиций формируется благодаря специфическим чертам и интересам ее членов. Если сравнивать членов семьи, то на аналитическую периферию будет вытеснен принцип взаимообусловленности их разно-родности. Известно, что два человека не могут находиться в одной и той же точке физического пространства, и так же они не могут занимать и одну и ту же позицию в социальном поле. Понимание невозможности равенства и совпадения интересов, мотиваций и позиций членов семьи ведет к осознанному принятию иерархии позиций внутри нее. (Заметим, что если каждый из членов семьи будет осознавать ответственность за Другого и за жизнь семьи в целом, то вопрос о первенстве и не возникнет.) Именно различие родственных позиций позволяет определить индивиду собственную местоположенность в пространстве семьи. Так в процессе выстраивания семейных отношений формируется субъективность индивида – и это является центром социально-топологического анализа семьи. Следовательно, семью можно определить как механизм социосимволического структурного позиционирования субъекта в социальном пространстве.

Обозначим ряд функционирующих в семье и через семью технологий создания субъективности и управления ею.

В семье человек уже по факту своего физического рождения включается в сеть социальных связей через помещение его в субъектную позицию по отношению к его родным. С момента рождения он оказывается в ситуации готового порядка, в соответствии с которым его упорядочивают, делают его существование уместным, т. е. согласованным с существованием других. Он совмещается с другими в соответствии с логикой той семьи, где он родился. Семья «опространствливает» его, т. е. делает пригодным для долговременного пребывания во всей широте социального пространства. Именно через совмещенность с другими человек обнаруживает себя, через вос-

Split by PDF Splitter

произведение вмененных ему в обязанность образцов поведения, усвоение внешних установок, ценностей, назначений он обретает свое место среди других, становится участником социальных процессов, признаваемым в качестве такового.

Социальное поле является ситуацией взаимодействия, которое порождает новое надындивидуальное системное качество. В случае семьи данное качество мы определим как терпеливое отношение к родственникам и бескорыстную помощь. Бурдье отмечал, что «отношения между предками и потомками существуют благодаря непрерывной работе по их подержанию» и что «существует экономика материальных и символических обменов между поколениями»[5]. Практика разнообразных материальных и символических обменов не должна скрывать их биотопографического контекста: именно факт родовой местоположенности индивида, внешняя манифестация его встроенности в ту или иную систему родства выступают как необходимое и достаточное условие его поведения. Таким образом, родственные отношения, проявляясь в форме разнообразных социальных связей, т. е. обменов, всякий раз обнаруживают свою «естественную» основу. Именно в этой способности легитимизировать перевод принципов «естественных», «безусловных» отношений на язык социальных практик и символов и заключается особенность семьи в отличие от других социальных полей.

Верно и обратное. В условиях отсутствия или недоступности четко выраженных форм самоописания экономика материальных и символических обменов между родственниками может выступать как универсальный механизм символического упорядочивания ткани социальных отношений в целом, что и происходит в современной России[6].

Социальную топологию интересуют также и механизмы социальной оценки семейных позиций и практик. Рассмотрим один из них.

Дело в том, что в современной России в сознании людей действует ранее сложившаяся социально-топологическая практика: разделение социального пространства на публичную и частную сферы с доминированием первой. Соответственно оценивается и занятость в данных сферах. Смысл места занятости (дом/вне дома) определяется не содержанием труда, связанным с этим местом, а социальной оценкой этой позиции. Одна и та же деятельность, выполняемая в разных сферах, может иметь принципиально разное значение. Например, «сидеть дома с ребенком», т. е. создавать новую личность, оценивается ниже, чем работать воспитателем в детском саду.

«Публичная сфера» – с ее механизмами спроса и предложения, конкуренцией между людьми за доступ к ресурсам и рыночной оценкой их способностей и возможностей – воспринимается как нормативный источник признания и самореализации. В свою очередь, «частная сфера», связанная с неоплачиваемым, выполняемым ради поддержания дома и жизнедеятельности членов семьи трудом и, соответственно, не подпадающая под действие

Split by PDF Splitter

механизмов рыночной регуляции и оценки, превращается в своеобразное гетто.

Таким образом, место занятости становится не только фактом социальной биографии, но и объясняющим принципом, своего рода оценочной категорией.

Итак, социальная топология, являясь версией социально-философского анализа, преодолевает, с одной стороны, теорию «разрыва» семьи и общества, индивидуального и социального, а с другой – концепцию абсолютной зависимости изменений семьи от социальных трансформаций, предлагая рассматривать семейные отношения как социальные конструкции, которые инкорпорированы в тело и, следовательно, в сознание человека. Социальная топология имеет дело не с объективированной историей общества, а с ее инкорпорированным состоянием. Речь идет о социальности, которую живой человек несет в своем теле и языке. Здесь мы оказываемся на пересечении индивидуального и коллективного, личного и социального, приватного и публичного. При этом у человека сохранятся возможность осознанного изменения стратегий своего семейного поведения, что объясняет трансформацию семейных форм и отношения к семье.

Сама семья обозначается здесь как социальное поле или пространство. Данное определение позволяет выявить способность родственных отношений локализовывать в социальном пространстве опыт индивидуальной жизни человека, что является условием связности его биографии. Таким образом обосновывается необходимость семьи не столько для общества, сколько для индивида.

---

[1] Данные методы анализа семьи выделены на основе исследований С. Ушакина. См.: *Ушакин С.* Место-имени-я: семья как способ организации жизни // Семейные узы: модели для сборки: Сб. ст. / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. Кн. 1. С. 13.

[2] Там же. С. 39.

[3] *Бурдье П.* Начала. М., 1994. С. 99–100.

[4] *Аверинцев С. С.* Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Человек. 2004. № 4. С. 104.

[5] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 323.

[6] См.: *Ушакин С.* Указ. соч. С. 10.